

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ: КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИНИЯ

Вестник «Социология власти» открывает новую рубрику «Классика социологической мысли». С одной стороны, это обусловлено потребностями развития самого издания, с другой – необходимостью широкого распространения и популяризации классических знаний по социологии. В каждом номере будут публиковаться работы или фрагменты трудов крупных социологов, являющиеся вершинами мировой социологической мысли. Выбор текстов будет учитывать характер и направленность именно вестника «Социология власти».

История социологии поучительна тем, как социологи используют свои концепции в качестве гипотез для причинного сведения к теориям факторов, которые должны допускать возможность верификации, т. е. опытного подтверждения либо опровержения. Здесь неизбежно присутствует методологическая проблема, постановка которой ведет к различным или, что будет более точным, несовместимым представлениям об условиях и причинах поведения «объектов» социологического исследования. Речь идет о том, какие именно характеристики человеческой деятельности подлежат понятному интерпретирующему толкованию, претендующему на значимость в качестве научного объяснения, как «существенные» для социологии.

Здесь будет уместным привести мнение Г.Риккерта: «Науки, если только их методы не произвольны, нуждаются в «априори» или в «предпосылке», на которой они смогли бы основываться при превращении разнородной непрерывности, или в принципе выбора, пользуясь которым они могли бы в данном им материале отделять существенное от несущественного»¹.

Область «существенного» для социологии была впервые очерчена в работах классиков социологической мысли Э.Дюркгейма, М.Вебера, В.Парето и других, что, впрочем, упускается в учебниках по социологии и большинстве работ по истории социологии и философии. Следуя классической традиции (В.Парето, Э.Дюркгейм, М.Вебер и др.), социологию можно определить как анализ общественных структур, основанных на господстве. Если понятие господства признается наиболее обобщенной отправной точкой социологии, то это имеет непосредственное значение для выбора того, что является «существенным» для социологической интерпретации.

Как утверждал Э.Дюркгейм в своей программной методологической работе, мы можем точно представить себе область социоло-

¹ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Науки о природе и о культуре. М., 1998. С. 64.

гии: «Она охватывает лишь определенную группу явлений. Социальный факт узнается лишь по той принудительной власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами. А присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции, или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида выступить против него»¹. По мнению Дюркгейма, эту специфическую категорию фактов «составляют способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются... Они составляют, следовательно, новый вид, и им-то и должно быть присвоено название социальных. Они составляют, следовательно, собственную область социологии»². Разумеется, «социальный факт» обладает и иными характеристиками, но в методологическом отношении это уже ничего не меняет.

Методологическое кредо М.Вебера сводится к тому, что «принуждение», физическое или психическое по своему характеру (или угроза «принуждения»), в той или иной степени лежит в основе всех видов социального поведения. М.Вебер определял господство как возможность обеспечения послушания данной социальной группы приказам определенного содержания. Основным признаком господства он называл способность аппарата управления гарантировать «порядок» на данной территории путем угрозы или применения физического или психического насилия.

По мнению Вебера, основной предпосылкой существования различных форм социального взаимодействия (целевых союзов и институтов) служит принцип, согласно которому отдельные индивиды оказываются их участниками благодаря тому, что они фактически считаются «обязанными» участвовать в конститутивных для данного сообщества обобществленных действиях и, если они не захотят этого, их заставит повиноваться «аппарат принуждения». Иначе говоря, на них автоматически распространяются ожидания, что их поведение будет ориентировано на определенный социальный порядок.

Э.Дюркгейм говорит о том же самом, но в контексте своего знаменитого учения о «коллективных представлениях»: «В сущности, это самое существенное в понятии социального принуждения. Все, что оно в себе заключает – это то, что коллективные способы действия или мышления существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспособляются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием»³.

¹ Дюркгейм Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 36.

² Там же. С. 31.

³ Там же. С. 20.

В то же время социологическая интерпретация должна учитывать тот факт, что «мотивы», которые приводятся акторами в качестве осмысленных оснований своих ориентаций, в действительности могут маскировать подлинные причины тех или иных действий (часто даже в сознании самих действующих лиц). Инструменты для социологической интерпретации социальных «мотивов» предоставляет методология В.Парето. Верификация результатов подобной процедуры точно так же, как и для других методов социологического анализа, содержится в фактических результатах социальных изменений.

Итак, «классическая» методологическая перспектива в качестве основных объектов социологической интерпретации устанавливает понятие «господство» и соотнесенные с ним понятия «власть», «порядок», «союз», «институт» и другие, конструируя ряд идентификационных признаков, обладающих «существенным» для научной социологии характером. Термин «существенный», помимо прочего, означает, что социологический анализ может охватывать и другие фактические данные, например, психофизиологические, демографические или экономические, принимаемые просто в качестве условий, на которые могут быть ориентированы социальные действия. Однако в методологическом отношении это ровным счетом ничего не меняет.

Ориентир для понимания движущих сил и направления социальных изменений в России может быть сформулирован как фундаментальный тезис социологии М.Вебера: «Лишь одно не подлежит сомнению: оценивая любые человеческие отношения, независимо от их характера и структуры, их следует рассматривать с той точки зрения, какому типу людей они дают в процессе внешнего или внутреннего отбора оптимальные шансы на господство»¹. Любые современные «теории» относительно данной темы должны быть оценены с позиции того, что и как они говорят нам о типологии людей, выражающих сегодня свои претензии на господство.

В открываемой рубрике предполагается опубликовать работы Р.Дарендорфа, Э.Дюркгейма, М.Вебера, Э.Трельча, М.Шелера, К.Мангейма, В.Парето, Р.Зомбарта и других выдающихся социологов, посвященные прежде политике и власти.

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1921. S. 28.